нию всей управленческой деятельности в соответствии с законодательством служат процедуры. Кажалось бы, зачем они нужны, если в ходе управления приходится быстро принимать решения в меняющейся обстановке, где многое зави-

сит от компетентности и усмотрения руководителей и специалистов? Но при этом нельзя отклоняться от базовых правовых принципов и нормативно установленных целей, иначе будет нанесен ущерб делу и гражданам, законности.

Библиографический список

- Hasselbalch O. Labour Law Denmark. Wolters Kluwer, 2016.
Schwöbel C. E. J. Global Constitutionalism in International Legal Perspective. Leiden; Boston, 2011.
Влияние международного права на национальное законодательство. М., 2007.
Государство в меняющемся мире. М., 2012.
Правовые модели и реальность. М., 2014.
Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски. М., 2015.
Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование. Теория и практика. Формула права. М., 2010.

Правопонимание в эпоху революций

КОРНЕВ Аркадий Владимирович, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: kornev_av@rambler.ru

Автор отмечает, что никогда, кроме как перед революцией, во время нее и какое-то время после, не подвергались беззастенчивой эксплуатации такие слова, как «свобода», «справедливость», «законность», «право». При любых подходах к революции она имеет место тогда, когда делят власть и собственность. Революции и затеваются для того, чтобы с помощью властных механизмов перераспределить собственность. Политический класс, чувствующий в себе силу противостоять существующей власти, чтобы затем взять ее в свои руки, начинает кампанию по ее дискредитации. Одновременно делается все для того, чтобы не выполнять и законы, которые она приняла и поддерживает силой легитимного принуждения. В этот переломный исторический момент возникает потребность в соответствующих теориях, которые являются альтернативой «официальному» правопониманию.

Цель исследования — осветить подходы к пониманию права, которые имели место перед Февральской революцией 1917 г. и событиями октября 1993 г. Достижение этой цели предполагало решение определенных задач, прежде всего анализ социально-экономического положения в стране, которое актуализирует господство той или иной правовой доктрины.

При подготовке статьи использовались преимущественно исторический и сравнительно-правовой методы.

Основной вывод: в предреволюционный период используются правовые доктрины, с помощью которых подвергается сомнению легитимность существующего правопорядка.

Ключевые слова: кризис, революция, право, правопонимание, политический класс, реформы.

Legal Understanding in the Age of the Revolution

A. V. KORNEV, head of the Department of theory of state and law of the Kutafin Moscow State Law University, doctor of legal sciences, professor
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russia, 123995
E-mail: kornev_av@rambler.ru

The author notes that before, during and for some time after the revolution such words as freedom, justice, lawfulness and law were subjected to the most shameless exploitation. In any approach the revolution takes place when power and property are divided. The purpose of all revolutions to redistribute property with the help of power mechanisms. The political class, which feels the strength to resist the existing power and then to take the power into its own hands begins a campaign to discredit existing government. At the same time everything is done in order not to observe current laws which the government supports by the force of legitimate coercion. At this crucial historical moment there is a need for appropriate theories, which are an alternative to "official" legal understanding.

The article deals with a problem of legal understanding in the age of revolutions.

The author tries to clarify approaches to legal understanding existed before February Revolution and events of October 1917. In order to achieve specified concern author analyzes the socioeconomic situation in the state that actualizes supremacy of any legal doctrine.

The methodology of this research is mainly based on applying historical and legal comparative method.

The author takes into conclusion that period exactly before the revolution is characterized by the usage of such legal doctrines that challenge the legitimacy of existed law and order.

Keywords: crisis, revolution, law, legal understanding, political class, reforms.

DOI: 10.12737/article_599d7441e56205.98297737

2017 год — «юбилейный» для России. Страна отмечает годовщину двух революций. Отчетливо наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. как звенья одной цепи, а оба этих события именовать в качестве Великой русской революции. Прилагательное «великая», по нашему мнению, следует применять только к событиям октября 1917 г. Февральская революция вряд ли заслуживает такую оценку. Но в любом случае перестала существовать монархия. Ее кончину, по всей вероятности, можно признать вполне естественной. В феврале 1917 г. Российская империя, по выражению В. В. Розанова, «слиняла в два дня»¹.

В начале XX в. Российская империя по величине территории и численности населения была самой крупной в Европе. Однако она сильно отставала от промышленно развитых стран. Соединенные Штаты Америки были в авангарде экономического развития. Второе место занимала Германия, третье и четвертое — Великобритания и Франция. Даже в крохотной Бельгии ВВП был больше российского. Правда, Россия обогнала Бельгию по количеству выплавленного черного металла. Железо — «фундамент цивилизации»,

важнейший из всех видов сырья, сыгравший революционную роль в развитии культуры. Металлический фонд Российской империи в 1911 г. составлял 35 млн тонн. В 1937 г. в СССР было 90—95 млн тонн². Это говорит о том, что огромный потенциал существующая власть или не хотела, или не могла развивать и использовать.

В среде российских промышленников сформировались два противоположных лагеря. С одной стороны, это так называемые московские ситцевые капиталисты, представлявшие промышленный капитал. Российская текстильная промышленность, берущая начало с крестьянских мануфактур, принадлежала в основном старообрядцам, развивалась за счет собственных средств вне влияния иностранных банков. Они не забыли гонений за веру и не питали никаких симпатий к монархии. П. Рябушинский, например, считал правление Дома Романовых политическим трупом. К слову, позиции московских предпринимателей активно поддерживал выдающийся химик Д. И. Менделеев. Его политико-экономические взгляды напрочь закрыли ему дорогу к Нобелевской премии. Он

¹ Цит. по: Кара-Мурза С. Матрица «Россия». М., 2007. С. 118.

² См.: Кара-Мурза С. Кризисное обществознание. М., 2011. С. 269; Жуков Ю. Н. От Февраля к Октябрю // Литературная газета. 2017. № 11.

был ярким сторонником индустриализации страны и промышленного прогрессизма. Менделеева поддерживали практически все европейские университеты и академии наук, трижды выдвигая его кандидатуру на престижную премию, соотечественники — никогда.

Но была и другая корпорация, которая сформировалась в космополитичном Петербурге. Костяк этой группы составляли не фабриканты, а преимущественно финансисты, зарабатывающие биржевыми спекуляциями. Причем крупнейшие банки контролировались из-за рубежа: Международный банк и Русский банк для внешней торговли — немцами, Петербургский частный коммерческий банк, Русско-Азиатский банк, Азовско-Донской коммерческий банк — французами. К 1914 г. 55% российских ценных бумаг принадлежало иностранному капиталу. Английский экономист Т. Шанин характеризовал предвоенную Россию «полуколонией запада»³.

В крестьянской по сути стране так и не был решен главный вопрос — земельный. Реформы П. А. Столыпина были «половинчатыми», несмотря на всю масштабность этой личности. Временное правительство, деятельность которого вообще была малопродуктивной, также не стало его решать. В соответствии с первыми декретами Временного правительства были ликвидированы полиция и жандармерия. В отличие от армии эти два государственных института до конца сохраняли верность монархии. Была объявлена амнистия. Свободу получили не только политические заключенные, но и уголовники. Последних именовали «птенцами Керенского». В итоге страна погрузилась в разгул бандитизма. С позволения Временного правительства в некоторых национальных регионах страны стали возникать организации, претендующие на автономию.

³ Цит. по: Рыбас С. Заговор верхов, или Тотальный переворот // Литературная газета. 2017. № 8—9.

Генералитет в массе своей предал последнего русского царя, нарушив присягу. М. В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, был одной из главных фигур февральских событий. Л. Корнилов, получив пост Верховного главнокомандующего, начал с того, что сдал Ригу, фактически открыв немцам дорогу на Петроград. На фронте (!) он приступил к разделению армии на русскую и украинскую. Первым командующим украинским корпусом летом 1917 г. Корнилов назначил генерала П. П. Скоропадского. На полях сражений Первой мировой войны русские солдаты, в абсолютном большинстве состоявшие из крестьян, не понимали, за что они воюют. Правящий класс начал войну на французские деньги, которые в скором времени закончились. Экономика России не была готова к этой войне. Но не все это понимали, особенно интеллигенция, которая также внесла свою лепту в две российские революции. В начале XX в. этот культурный слой состоял примерно из 200 тыс. человек. Невероятные страдания крестьянской массы не находили порой отклика у интеллигентов.

Н. А. Бердяев, не знавший нужды ни в России, ни в эмиграции, писал: «Русская революция есть событие, производное от мировой войны. Она есть эпизод мировой войны. И революция эта имеет прежде всего один горестный и унижительный для русского народа смысл. Русский народ не выдержал великого испытания войны. Все народы приняли участие в мировой борьбе с тем духовным и материальным багажом, который накопился у него за долгую историю. Русский народ оказался банкротом. У него оказалось слабо развитым *чувство чести* (курсив мой. — А. К.). Но не народная масса в том виновата, вина лежит глубже»⁴. Тайна души России и русского народа, раз-

⁴ Русское зарубежье. Власть и право. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 18.

гадка всех наших болезней и страданий, по Бердяеву, лежит в ложном соотношении мужественного и женственного начала.

Размышления философа говорят о том, «как страшно далеки были от народа» те, кто хотел улучшить его жизнь, абсолютно не понимая его жизненных запросов.

«В русском способе мышления (говорю об интеллигенции), — писал Л. А. Тихомиров, — характеристичны две стороны: отсутствие вкуса и уважения к факту и, наоборот, безграничное доверие к теории, к гипотезе, мало-мальски освящающей наши желания. Это должно происходить, очевидно, от малой способности мозга к напряженной умственной работе. Голова, слишком быстро устающая, не может справиться с мириадами фактов, наполняющих жизнь, и получает к ним нечто вроде отвращения. Гипотеза, напротив, ее радует, давая кажущееся понимание явлений без утомительного напряжения. Эти явления естественны в народе, так недавно начавшем учиться»⁵.

Заметную роль в предреволюционной России играли юристы как особая социальная группа. После великих реформ профессия юриста стала невероятно популярной. Достаточно сказать, что в 1869 г. число студентов юридических факультетов составляло 50,7% всех обучавшихся в университетах России⁶. На юридические факультеты шли люди, которые не просто хотели овладеть модной профессией, но и те, кто намеревался использовать возможности, которые она давала в борьбе с существующим политическим строем.

В связи с этим представляет интерес признание С. Н. Булгакова: «В этом выборе я явился также

жертвой интеллигентской стадности, пойдя вопреки собственному влечению. Меня влекла область филологии, литературы, я же попал на чуждый мне юридический факультет в известном смысле для того, чтобы тем спасти отечество от царской тирании, конечно, идейно»⁷.

Вообще, либеральные юристы вызывали у охранителей много вопросов. По их мнению, они расшатывали российское общественное мнение, сеяли в массах, прежде всего студенческих, вредные идеи и мысли. В одной из передовиц М. Н. Катков утверждал, что юридический и историко-филологический факультеты посредством преподавания философии права, государственного права, уголовного права, истории литературы формируют воззрения и доктрины партий, с которыми ни русский народ, ни русская государственная власть не имеют ничего общего. Неужели, задает вопрос Катков, нашему правительству нужно, чтобы все мыслили, как, например, профессор Градовский, или судили, как профессор Орест Миллер?⁸

В словах автора есть доля правды. Дело в том, что многие русские юристы получали образование, стажировались, готовили диссертации за границей, в ведущих западных университетах. Некоторые из них, как, например, П. Г. Виноградов, успешно там преподавали. Так или иначе, но они привозили в Россию идеи, которые были явно не по душе консерваторам. Не надо забывать, что живое слово, ценность которого сегодня тает на глазах, имело сильнейшую притягательную силу. П. А. Сорокин вспоминал, что лекции профессора Л. И. Петражицкого имели громадный успех и на них приходили не только студенты.

В России право понимали по-разному, но все-таки доминировали следующие школы:

⁵ Тихомиров Л. Критика демократии. М., 1997. С. 42.

⁶ См.: Корнев А. В., Борисов А. В. Государственно-правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России. М., 2016. С. 231.

⁷ Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 7.

⁸ См.: Московские ведомости. 1884. № 178.

государственно-организационная (государственно-повелительная) теория (Г. Ф. Шершеневич) понимала под правом то, что государство «приказывало» считать таковым. Современная российская доктрина именует такой подход нормативным;

психологическая школа права (Л. И. Петражицкий и др.) понимала право как совокупность императивно-атрибутивных душевных переживаний, которые путем психического взаимодействия членов какой-либо группы приобретают общее значение и объективируются в правовых нормах;

социологическая теория (С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский) понимала право как совокупность осуществляющихся в жизни правовых предписаний, в которых вырабатываются и выкристаллизовываются правовые нормы.

Нормативная школа, или нормативизм в праве, был, пожалуй, наиболее широко представлен в до-революционной юриспруденции. Н. А. Алексеев писал, что следует различать нормативизм этический (П. И. Новгородцев), логический (И. А. Ильин), юридический (Г. Кельзен). Б. А. Кистяковский полагал, что нормы: а) устанавливают или разграничивают свободу (школа естественного права, немецкий философский идеализм); б) защищают интерес (Р. Иеринг); в) создают компромисс между различными группами (А. Меркель). Для самого Б. А. Кистяковского наиболее приемлемым являлся третий вариант. Конечно, относительно различных функций юридических норм этот перечень можно было бы продолжить. П. И. Новгородцев, выразив свою позицию по вопросу о том, что именно следует считать правом, писал: «Право должно быть понято не только как факт социальной жизни, но также как норма и принцип личности». Именно так изучала его «старая философия права». «Новая» же философия, прежде всего Л. И. Петражицкий, пыталась освободить себя

от гипноза со стороны положительного закона и практического оборота. Пока мы находимся в пределах психологических наблюдений, мы не выходим из области существующего. А чтобы быть регулятором, право должно переходить к этике, к учению о должном, и «только здесь совершается необходимое завершение понимания права как нормативного требования»⁹. Другой крупнейший представитель нормативной школы И. А. Ильин писал, что «норма есть суждение, устанавливающее известный порядок как должный... Это суть выраженное в словах правило лучшего»¹⁰. Прав был Б. А. Кистяковский, когда утверждал, что нельзя создать единого научного понятия права, ибо таких понятий несколько, поэтому невозможно отказаться от стремления иметь общую теорию права¹¹.

Каждая из этих школ, опровергая оппонентов, прибегала к различным аргументам доказательства своей правоты, но как бы парадоксально это ни выглядело с логической точки зрения, многие юристы признавали, что право в основе своей едино, хотя оно одновременно является и государственно-организационным, и социологическим, и психологическим, и нормативным явлением. По поводу того, что считать правом, юристы спорят много, но, как подчеркивал Б. А. Кистяковский, «ни один юрист не станет отрицать того, что право или состоит из норм, или, по крайней мере, получает одно из своих выражений в нормах»¹².

⁹ Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 94.

¹⁰ Ильин И. А. Основы законоведения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. М., 1915. С. 5.

¹¹ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 327.

¹² Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 356.

Вопрос о правопонимании, тем более интегративном, удачно сочетается со 100-летним юбилеем Февральской революции. Как и прежде, она вызывает много вопросов. Даже профессиональный революционер Л. Д. Троцкий до конца жизни не смог ответить на вопрос: как и почему власть оказалась в руках либеральной буржуазии? В чем он, безусловно, прав, так это в том, что «оторванная от народа, связанная гораздо теснее с иностранным финансовым капиталом, чем с трудящимися массами собственной страны, враждебная революции, которая одержала победу, запоздалая русская буржуазия не могла от собственного имени найти ни одного довода в пользу своих претензий на власть»¹³.

Л. Д. Троцкий утверждал, что «буржуазия получила власть за спиной народа. Она не имела в трудящихся массах никакой опоры. Но вместе с властью она получила подобные опоры из вторых рук: меньшевики и эсеры, поднятые массой наверх, вручили уже от себя мандат доверия буржуазии. Если взглянуть на эту операцию в разрезе формальной демократии, то получится картина двухступенчатых выборов, в которых меньшевики и эсеры выступают в технической роли среднего звена, т. е. кадетских выборщиков. Если взять вопрос политически, то придется сказать, что соглашатели обманули доверие масс, призвав к власти тех, против кого сами были избраны»¹⁴.

Троцкий пытался найти хотя бы какие-то правовые аргументы в пользу легитимности временщиков. Известный современный российский историк И. Я. Фроянов квалифицирует февральскую революцию в качестве «верхушечного политического переворота». Другой историк, П. Н. Милюков, лидер крупнейшей кадетской партии, одна из знаковых

фигур февральских событий, напишет позже, что наступил юридический, правовой разрыв между Россией самодержавной и той, какой она становилась в реальности¹⁵.

Любая политическая революция, точнее главный политический класс, формирует свое понимание права. Об этом очень хорошо написал П. Б. Струве: «Строгое социологическое понятие революции немислимо без отнесения этого понятия к другому основному социологическому понятию — права. Революция есть нарушение непрерывности правового развития общества, становящееся исходной точкой нового правообразования. Революция ниспровергает одно право и воздвигает другое. Революция есть бунт, коему присущ умысел быть, или стать правообразующим фактом, или еще короче: удачная или законченная революция есть бунт, ставший правом»¹⁶.

Принято считать, что революции имеют свои причины и логику развития. В основном это так. Однако с этим сложно согласиться полностью. М. Вебер полагал, что социальное действие может быть ориентировано: 1) целерационально, т. е. посредством расчета на определенное поведение предметов внешнего мира и других людей; 2) ценностно-рационально, благодаря сознательной вере в безусловную этическую, эстетическую, религиозную или как угодно еще толкуемую самоценность определенного поведения как такового независимо от его результата; 3) аффективно, в частности эмоционально, т. е. воздействием непосредственных аффектов и эмоциональных состояний; 4) традиционно, т. е. силой укоренившейся привычки¹⁷.

¹⁵ См.: Фроянов И. Я. Уметь защищать и защищаться. Почему история стала настоящим полем битвы // Литературная газета. 2016. № 38.

¹⁶ Струве П. Б. Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 436.

¹⁷ См.: Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1:

¹³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 311.

¹⁴ Там же. С. 306.

Если соглашаться с М. Вебером, очевидно, что во время революции имеют место все четыре варианта социальных действий. Все зависит от фазы революции. Самые драматические события революции, пожалуй, связаны с так называемым аффективным поведением, и в этих условиях возникает «право на революцию, на бунт».

П. А. Сорокин, очевидец событий, личный секретарь А. Ф. Керенского, писал: «Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения»¹⁸. К числу таковых он относит голод, самосохранение, свободу и проч. По его мнению, к 1917 г. имело место подавление всех базовых инстинктов большинства населения империи.

Таким образом, Февральская революция могла закончиться только социалистической революцией, и никакой другой. Обе революции были бескровными, даже Октябрьская. К сожалению, они приблизили самую страшную катастрофу для любой страны — гражданскую войну. Почему это произошло — тема отдельного, сложного и обстоятельного разговора. Выдающийся русский мыслитель Л. Карсавин в эмиграции написал поразительные по глубине строки: «Если считать, что русский народ подчинился большевикам только за страх, надо будет признать не русским народом погибших в Гражданской войне и защите России красноармейцев. Тогда не принадлежат к русскому народу ни крестьяне, предпочитавшие большевиков царским генералам, ни чиновники, среди которых далеко не все работают из-под палки, ни большинство рабочих. Ни те, которые, отрицая в принципе власть большевиков, все же считают ее лучшею, чем

власть иностранная или реставрационная»¹⁹.

Возьмем на себя смелость утверждать, что никогда, кроме как перед революцией, во время нее и какое-то время после, не подвергаются беззастенчивой эксплуатации такие слова, как «свобода», «справедливость», «законность», «право». При любых подходах к революции она имеет место тогда, когда делают власть и собственность. Иными словами, революции и затеваются для того, чтобы с помощью властных механизмов перераспределить экономические ресурсы. Л. Д. Троцкий полагал, что революция есть открытое соразмерение социальных сил в борьбе за власть. Но государство, власть — не самоцель. Власть нужна для того, чтобы провести социальные преобразования, и в первую очередь экономические. СССРхватило трех пятилеток, чтобы к 1937 г. — страшному в истории нашей страны, т. е. до массовых репрессий, стать одним из мировых лидеров по объему промышленной продукции, а по темпам индустриального роста он обогнал даже США.

Собственность — вот истинный дух законов, справедливо считал Ш.-Л. Монтескье.

Политический класс, чувствующий в себе силу противостоять существующей власти, чтобы затем взять ее в свои руки, начинает процесс по ее дискредитации. Одновременно делается все для того, чтобы не выполнять и законы, которые она приняла и поддерживает силой легитимного принуждения. В этот переломный исторический момент возникает потребность и в соответствующих теориях, которые являются альтернативой «официальному» правопониманию. М. Робеспьер, воспитанник юридического факультета Сорбонны, сформулировал несколько тезисов, представляющих интерес в русле проблематики статьи «Революция — это война свободы против ее врагов»: «Револю-

Социология. М., 2016. С. 84.

¹⁸ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 272.

¹⁹ Карсавин Л. Философия истории. Берлин, 1923.

ционное правление — это деспотизм свободы против тирании», «Террор есть справедливость, следствие общего принципа демократии». Его соратник Ж. П. Марат уверенно заявлял: «Без сомнения, все государства были созданы с помощью насилия, убийства, разбоя и у власти поначалу не имелось никаких иных полномочий, кроме силы»²⁰.

Без сомнения, одним из ключевых моментов истории России во второй половине XX в. являются трагические события октября 1993 г. Октябрь 1917 г. и октябрь 1993 г. с точки зрения правопонимания одинаково интересны в том смысле, что являют собой опирающуюся на правовую доктрину попытку политического класса обосновать свое право на власть. Причем жертв в октябре 1993 г. было значительно больше, чем в октябре 1917 г., т. е. во время, по Ленину, переворота.

Непосредственно перед страшной развязкой событий 1993 г. оживились дискуссии относительно того, что считать правом. В публичном политико-правовом пространстве доминировали представители «широкого» правопонимания. В известной степени к нему можно отнести и интегративное. Апофеозом этой дискуссии стала статья С. С. Алексеева «Что есть право?», опубликованная 15 января 1993 г. в «Независимой газете». Автор назвал позитивистское правопонимание тоталитарным. Расстрел из танков Верховного Совета многие посчитали проявлением «демократии». Так, внушительный отряд творческой интеллигенции в коллективном письме на имя Президента Б. Н. Ельцина одобрил бойню. Не было возмущения и со стороны «коллективного демократического запада».

Конечно, с точки зрения позитивизма, а самое главное — конституции, действовавшей на тот момент, события 1993 г. следует однозначно квалифицировать, используя современную конституционную терми-

нологию, как «присвоение и захват власти», а в терминах политической теории — как «государственный переворот». Однако власть выдвинула на тот момент альтернативные точки зрения на право, прибегнув к помощи отдельных представителей юридической науки.

Победивший политический класс юридически оформил победу принятием Конституции 1993 г. и, наконец, приступил к главному: стал распределять внутри себя заводы, месторождения, банковскую систему, СМИ. С этого момента всякие теории, а стало быть, и теоретики становятся власти просто неинтересны. В относительно стабильные времена борьба различных доктрин обычно затихает. Прав поэт М. Волошин: «В нормальном государстве вне закона находятся два класса: уголовный и правящий. Во время революции они меняются местами; в чем по существу нет разницы»²¹.

Право по своей природе интегративно. Это убедительно доказывает профессор В. В. Лазарев²². Да и на круглом столе, состоявшемся в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ²³, он аргументировал свою позицию²⁴. Стало быть, интегративная версия имеет все права на существование, как и любая другая. Вопрос в том, кто, когда и зачем будет ее использовать. Ибо сказано: «Революция — это братание идеи со штыком» (Л. Питер)²⁵.

²¹ Цит. по: Государство — это я / сост. Ю. А. Иванова. Харьков, 2008. С. 169.

²² См.: Lazarev V. Integrative Perception of Law // Kazan University Law Review. Vol. 1. Fall 2016. No. 1. P. 19—32.

²³ См.: Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33—45.

²⁴ См.: Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5—18.

²⁵ Цит. по: Государство — это я / сост. Ю. А. Иванова. С. 176.

²⁰ Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 1. М., 1997. С. 511.

Библиографический список

- Lazarev V. Integrative Perception of Law // Kazan University Law Review. Vol. 1. Fall 2016. No. 1.
- Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 1. М., 1997.
- Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
- Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1: Социология. М., 2016.
- Государство — это я / сост. Ю. А. Иванова. Харьков, 2008.
- Жуков Ю. Н. От Февраля к Октябрю // Литературная газета. 2017. № 11.
- Ильин И. А. Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. М., 1915.
- Кара-Мурза С. Кризисное обществознание. М., 2011.
- Кара-Мурза С. Матрица «Россия». М., 2007.
- Карсавин Л. Философия истории. Берлин, 1923.
- Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
- Корнев А. В., Борисов А. В. Государственно-правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России. М., 2016.
- Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда права // Журнал российского права. 2017. № 7.
- Московские ведомости. 1884. № 178.
- Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904.
- Русское зарубежье. Власть и право. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
- Рыбас С. Заговор верхов, или Тотальный переворот // Литературная газета. 2017. № 8—9.
- Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7.
- Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Струве П. Б. Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
- Тихомиров Л. Критика демократии. М., 1997.
- Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990.
- Фроянов И. Я. Уметь защищать и защищаться. Почему история стала настоящим полем битвы // Литературная газета. 2016. № 38.

Правопорядок как воплощение идей законности и необходимости

СВИНИН Евгений Валерьевич, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук, доцент
160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
E-mail: evsvinin@yandex.ru

В настоящее время в юридической науке не разработаны критерии и показатели оценки состояния правопорядка, что свидетельствует о незавершенности исследований этого явления и отсутствии единой теории правопорядка. Одна из причин заключается в догматическом восприятии правопорядка как результата реализации законности. Социально-правовая природа правопорядка обуславливает неизбежное единство и противоречие его юридических и социальных оснований, которые могут быть исследованы с помощью категорий «законность» и «необходимость».

Цель исследования заключается в изучении правопорядка как воплощения идей законности и необходимости. Достижению цели способствовало решение задач определения форм